

Очерк о начале Терского Казачьего Войска

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
О-95

О-95 Очерк о начале Терского Казачьего Войска / – М.: Книга по Требованию,
2013. – 80 с.

ISBN 978-5-458-40809-7

ISBN 978-5-458-40809-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

скаго, за его непріязненное отношеніе къ черкесамъ (Степен. Книг. т. 2 стран. 295). Затѣмъ, въ 1563 году, посланы были туда же, подъ начальствомъ Григорія Плещеева, 500 стрѣльцовъ и 500 казаковъ, для защиты князя Темрюка отъ отпавшихъ отъ него черкесовъ, а въ 1568 году, подъ начальствомъ князя Андрея Бабичева и Петра Протасьева, была снаряжена экспедиція во владѣнія того же князя Темрюка уже въ болѣе значительныхъ размѣрахъ: съ пушками, пищальми и съ плотниками для городского дѣла (Александровская лѣтопись). На этотъ разъ во владѣніяхъ князя Темрюка былъ поставленъ городъ, который, впрочемъ, просуществовалъ только до 1571 года и затѣмъ, по настоянію турецкаго султана Селима, Іоаннъ Грозный согласился его упразднить (Истор. Карамзина т. X примѣчаніе 336 и 338). Но въ 1577 году, также по просьбѣ кабардинскихъ князей, былъ посланъ туда воевода Лукьянъ Новосильцевъ, который снова поставилъ городъ на Терекѣ не далеко отъ устья Сунжи, которому было дано названіе *Терки*. По разсказу Лукьяна Новосильцева, сдѣланному имъ императору Рудольфу II, къ которому онъ былъ посланъ въ слѣдующемъ 1578 году, еще до прибытія его на Терекъ, турецкія войска вторглись за р. Сулакъ, во владѣнія Персіи, заняли тамъ города Шемаху и Темирханъ и, оставивъ въ нихъ гарнизоны, возвратились назадъ.

„И Кизилбашскій шахъ, продолжаетъ Новосильцевъ, собрався подъ свои города пришедъ и тѣ свои города облегалъ многою силою. И турецкій султанъ писалъ къ крымскому къ Мегметъ-Гирею царю, чтобъ Мегметъ-Гирей царь шолъ въ Кизилбаши, къ турецкимъ людямъ на помощь, со всею Крымскою ордою, и Крымскій Мегметъ-Гирей царь самъ въ Кизилбаши не пошелъ, а послалъ брата своего Калгу-Алды-Гирея царевича со многою ратью, а какъ Крымскій царевичъ.... шолъ своею

ратью мимо государя нашего городъ Терку и лѣзь Сунчу рѣку, у Горячева колодезя, а съ нимъ было ратныхъ людей полтретьядцать тысячъ, и прислалъ ко мнѣ государеву воеводѣ, въ Терку, прошати у меня дороги и казаковъ бы мнѣ *государевыхъ* въ то время велѣти уняти, чтобъ имъ Сунчу рѣку отъ *Терскихъ казаковъ* перелѣзти здорово. И какъ Крымскій Алды-Гирей царевичъ перелѣзши Терку рѣку сошелся съ Кизилбашскимъ и кизилбашскіе люди его побили, и Калгу-Алды-Гирей царевича взяли жива и которые люди Крымскаго съ того дѣла утесли и пошли назадъ и перелѣзли Сунчу рѣку далѣе отъ Терскаго города, и намъ про нихъ случилась вѣсть, что они чрезъ Терку перелѣзли безвѣстно, а съ ними было тысячъ съ десять. И азъ ихъ дошедъ, съ Божіею помощію и государевымъ счастіемъ, тѣхъ людей побилъ на голову и лошади ихъ отогналъ (Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи, т. I стран. 944)“.

„Послѣ разсказа воеводы Новосильцева, продолжаетъ г. Абрамовъ, является вопросъ: кто были Терскіе казаки, которыхъ опасался Калга-Алды-Гирей и объ „унятіи“ которыхъ просилъ воеводу Новосильцева?— и отвѣчаетъ: подъ названіемъ Терскихъ, впоследствии, стали извѣстны тѣ казаки, которые поселены были въ низовьяхъ Терека уже при второмъ городѣ, о которомъ будетъ сказано ниже. А потому нѣтъ сомнѣній, что Новосильцевъ назвалъ Терскими казаками Гребенскихъ, которыхъ онъ засталъ на *мѣстѣ* уже *поселенными*, и которые только и могли быть извѣстны крымцамъ, встрѣчавшимъ ихъ здѣсь прежде. Это, по мнѣнію г. Абрамова, подтверждаетъ и Іосифъ Дебу въ сочиненіи своемъ о Кавказской линіи (изданномъ въ 1829 году), въ которомъ онъ прямо говоритъ, что первый городъ, построенный русскими на Терекѣ, занимали Гребенскіе казаки“.

На эту статью 6 мая 1880 года мы послали г. Абрамову въ Петербургъ отвѣтъ, который заключался въ слѣдующемъ.

„Въ разсказѣ воеводы Лукьяна Новосильцева о построении имъ въ 1577 году города на р. Терекѣ противъ устья Сунжи о *Гребенскихъ казакахъ не упоминается ни однимъ словомъ, какъ это иначе и быть не могло, потому что ихъ тамъ въ то время вовсе не было*; что жалобы Калги-Алды-Гирея были, конечно, на тѣхъ же Терскихъ казаковъ, которыхъ привелъ съ собою Лукьянъ Новосильцевъ подъ именемъ городовыхъ, ни чѣмъ, впрочемъ, отъ полевыхъ не отличавшихся и, которыхъ, безъ сомнѣнія, самъ же онъ и подсылалъ къ переправѣ, чтобъ по возможности затруднить шествіе крымцевъ, такъ какъ переправа эта, безъ мостовъ, могла тянуться тогда нѣсколько дней.

Это предположеніе о подсылкѣ казаковъ доказывается еще и тѣмъ, что когда тѣ же крымцы разбитые персіянами, возвращались обратно около горячаго источника, вѣтъ на Кавказѣ хорошо извѣстнаго, то Новосильцевъ, выйдя изъ своего острога, напалъ на крымцевъ и окончательно разбилъ ихъ и разсѣялъ, *при чемъ однако о Гребенскихъ казакахъ опять таки не говоритъ ни слова*“.

А теперь мы прибавимъ еще, что Лукьянъ Новосильцевъ, въ разсказѣ своемъ, говоря о жалобахъ Калги-Алды-Гирея на казаковъ, мѣшавшихъ его переправѣ, называетъ ихъ безразлично сначала *государевыми*, такъ какъ другихъ казаковъ у него и не было, а потомъ *Терскими*, конечно, по городу Терки, ни какого другого вывода изъ этихъ названій и сдѣлать не возможно; но отнюдь не называетъ *Гребенскими*, какъ это усиливается доказать г. Абрамовъ. Если Новосильцевъ назвалъ Терскими казаками Гребенскихъ, какъ говоритъ г. Абрамовъ, потому что будто-бы онъ засталъ ихъ *на мѣстѣ*

уже поселенными и которые только и могли быть известны крымцамъ, встрѣчавшимъ будто-бы ихъ здѣсь прежде,—то является невольно другой вопросъ: какъ же о такомъ важномъ и неожиданномъ открытіи соотечественниковъ—Гребенскихъ казаковъ за Терекомъ, и объ оказанной ими ему помощи, воевода Новосильцевъ не только не упомянулъ въ своемъ разсказѣ ни однимъ словомъ, но даже не донесъ правительству? Надо еще прибавить, что наши древніе воеводы, какъ люди чисто-русскіе, были очень чутки къ государственнымъ интересамъ, да и отвѣтственность за нихъ въ тѣ времена была грозная, а потому является невѣроятнымъ, чтобы Новосильцевъ о такомъ важномъ открытіи умолчалъ предъ правительствомъ. Если же гребенцы въ то время давно уже жили за Терекомъ, съ установившеюся организациею, и были известны правительству, — то опять таки возникаетъ другой вопросъ: какъ-же послѣднее, посылая Новосильцева на Терекъ, не указало ему на Гребенскихъ казаковъ, на случай какого либо съ ихъ стороны содѣйствія? Вѣдь позже, когда гребенцы уже были известны правительству, оно всегда указывало Терскимъ воеводамъ посоветоваться съ ихъ атаманами, какъ лучше устроить какое либо предпріятіе, да и сами воеводы не разъ доносили правительству о той пользѣ, какую приносили Гребенскіе казаки, поселенные тогда за Терекомъ, какъ это повѣствуетъ въ своемъ сочиненіи г. Попка. Отъ чего же ни правительство, ни воевода Новосильцевъ не сдѣлали этого при такомъ важномъ случаѣ, какъ возведеніе новаго города на Терекъ! Очевидно до ясности, отъ того, что гребенцевъ тамъ вовсе не было, потому что они пришли туда позже построенія г. Терки, какъ это будетъ доказано ниже. Ссылка г. Абрамова на сочиненіе Дебу, въ данномъ случаѣ, не имѣетъ ни какого значенія, такъ какъ и Дебу говорить о про-

исхожденіи Гребенскихъ казаковъ отъ Донскихъ, а не отъ Рязанскихъ; а о томъ, что гребенцы, прежде прибытія на Кавказъ, были будто-бы въ Перми,—въ сочиненіи Дебу вовсе ничего не сказано. Точно также и указаніе на крымцевъ, будто-бы встрѣчавшихъ тамъ гребенцевъ прежде,—совершенно голословно и не подкрѣплено никакимъ историческимъ доказательствомъ.

Послѣ этого неизбежнаго отступленія, продолжаемъ отвѣтъ г. Абрамову 6 мая 1880 года.

„На какомъ же основаніи факту постройки Новосильцевымъ города Терки, въ 1577 году, вы приписываете начало Гребенскихъ казаковъ? Этого въ вашей статьѣ не сказано и ни чѣмъ это мнимое начало не доказано. Самый важный пробѣлъ въ вашей статьѣ заключается въ томъ, что вы ничего не сказали: откуда, когда и по какой причинѣ явились за Тереккомъ Гребенскіе казаки? Объ этомъ, по дѣйствительнымъ *преданіямъ народнымъ*, вы не хотите сказать ни одного слова, говоримъ, не хотите потому, что не могутъ же не быть извѣстны вамъ эти преданія,—тогда какъ рассказываете, напримѣръ, о житьѣ-бытьѣ гребенцевъ за Тереккомъ, о разведеніи виноградниковъ грузинками, вывозимыми изъ Грузіи и т. п.; между тѣмъ знать время прибытія бѣжавшихъ съ Дона казаковъ, названныхъ въ послѣдствіи Гребенскими, за Терекъ въ предгорія главнаго Кавказскаго хребта, очень важно въ данномъ случаѣ для того, чтобъ сказать утвердительно: были ли они тамъ во время построенія Новосильцевымъ города на р. Терекѣ? Далѣе вы говорите объ образѣ Гребневской Божіей Матери въ Москвѣ на Дубянкѣ, поднесенномъ великому князю Дмитрію Донскому казаками отъ городковъ Гребни и Сиротина; стоявшихъ въ верховьяхъ Дона; но спрашивается: какое же это, хотя бы малѣйшее, отношеніе имѣеть къ началу Гребенскихъ казаковъ, жившихъ въ

черныхъ горахъ за Терекомъ, болѣе чѣмъ за 2500 верстъ отъ Москвы, —спустя два вѣка послѣ Мамаева побоища, бывшаго въ 1380 году, т. е., послѣ поднесенія означеннаго образа?“

Послѣ этого, такъ сказать, предварительнаго вступленія, мы перейдемъ къ изложенію въ послѣдовательномъ, хронологическомъ порядкѣ, тѣхъ историческихъ свѣдѣній и мѣстныхъ преданій самыхъ Гребенскихъ казаковъ, изъ которыхъ одни извѣстны были за полвѣка, а другіе около 150 лѣтъ тому назадъ, *о происхожденіи* этихъ казаковъ, чтобъ читатель сразу могъ видѣть, въ чемъ заключается наше несогласіе со взглядами и доводами на это гг. Абрамова и Попки.

1) Первымъ писателемъ является *Ригельманъ*, строитель Кизлярской крѣпости въ 1735 году. Полное заглавіе его книги слѣдующее:

„Исторія или повѣствованіе о Донскихъ казакахъ, отколы и когда они начало свое имѣють и въ какое время и изъ какихъ людей на Дону поселились, какія ихъ были дѣла и чѣмъ прославились и проч. Собранная и составленная изъ многихъ вѣрнѣйшихъ Россійскихъ и иностранныхъ исторіевъ, лѣтописей, древнихъ дворцовыхъ записокъ и изъ журнала Петра Великаго, чрезъ труды, Инженеръ-Генераль-Маіора и Кавалера Александра Ригельмана 1778 года. Москва. Въ Университетской типографіи 1846 года“.

Ригельманъ, очевидно, человѣкъ весьма любознательный, тщательно собиравшій свѣдѣнія о казакахъ, какъ во время построения Кизлярской крѣпости, такъ и послѣ; ѣздилъ на Донъ, съ такою же цѣлю, составилъ и приложилъ къ своему сочиненію современную карту земли Войска Донскаго и рисунки одежды Донскихъ казаковъ.

Въ этой исторіи, послѣ Донскихъ казаковъ, все, что Ригельманъ говоритъ о другихъ казакахъ, мы отъ страницы 138 до 141 выписываемъ собственными его словами съ буквальною точностію:

„О происшедшихъ казакахъ отъ Донцовъ“.

С и б и р с к і е .

„Отъ сихъ то казаковъ произошли и прочіе, какъ-то: „первые Сибирскіе, отъ 1579 году, отъ коихъ и до нынѣ тамо имѣются, какъ выше явствуется, зашедшіе съ атаманомъ Ермакомъ Тимофѣевымъ, и тамъ по немъ оставшіе, и грамотами Царскими на житѣ, и казакамъ Сибирскими причислены“.

Я и ц к і е .

„Затѣмъ Яицкіе казаки, ушедшіе же съ Дону для промысловъ своихъ съ атаманомъ своимъ, Василюмъ Гугнинымъ, на Яикъ быть стали и цѣлое войско потомъ набрали себѣ. Чаятельно, что оныя съ Дону изъ станицы Гугнинской вышли. Сіе заставляеть думать названіе оной, которое либо отъ станишнаго того городка прозвище себѣ получилъ, или городокъ оной по немъ, Гугниѣ, проименовавшись остался“.

Г р е б е н с к і е .

„Отъ тѣхъ же казаковъ, кои отъ поиска и поимки воеводы Мурашкина, съ Волги бѣжали на Куму и на Терекъ рѣки ¹⁾, оказались *Гребенскіе* казаки и извѣстны стали. Умноженіе же ихъ стало отъ временъ перваго бунтовства въ Астрахани, когда Донской казакъ Ивашко Заруцкой, съ бывшею женою, двухъ извѣстныхъ самозванцевъ, Мариною, который хотѣлъ быть, по убійствѣ послѣдняго, черезъ пасынка своего, сына Маринкина Ивашки, Московскимъ царемъ, съ сообщниками своими, укрываючись отъ поисковъ за нимъ, прибѣжалъ въ Астрахань и стрѣльцовъ тамошнихъ и казаковъ на свою сторону въ мятежпость и бунтъ, въ 1614 году привелъ, и Астраханскаго воеводу, князя Ивана Хворостинина, казнилъ, и въ ономъ зимоваль, А по возмущеніи города, и по многомъ учиненномъ во ономъ убивствѣ, насиліи и хищеніи народу, какъ объ ономъ лѣтопись о многихъ Россійскихъ мятежахъ пишетъ. такъ равно сему свидѣтельствуеть отъ Великаго Государя Царя Михаила Федоровича, 1614 году, апрѣля въ 3-й день состоявшая грамота къ зимовавшимъ въ Ка-

¹⁾ Это древній транзитный путь отъ Азова на Куму и Терекъ, а далѣе въ Дагестанъ и Персію, вдвое кратчайшій и безопаснѣйшій противъ пути рѣчнаго по Волгѣ, а затѣмъ морскаго къ устьямъ р. Терека. Этотъ путь пересѣкаетъ Кавказскій перешеекъ съ запада на востокъ. По срединѣ его отъ р. Кумы отдѣляется другой тоже древній сухонутный трактъ, идущій между рѣками Дономъ и Волгою во внутреннюю Россію, такъ называемый нынѣ Царицынскій, отъ котораго въ свою очередь отдѣлялась вѣтвь на Воронежъ, Тулу и Москву, по верховьямъ рѣкъ Медвѣдицы, Хопра, Воронежа, Дона и Оки. По этимъ то путямъ русскіе князья ѣздили въ Орду и по нимъ же ходили туда русскіе полки на службу къ ханамъ еще въ XIII вѣкѣ, какъ это ниже въ примѣчаніи объяснено.

„зани съ ратью, стольнику и воеводамъ ко князю Юрью
„Яншечу Сулешеву, да ко князю Никитѣ Петровичу
„Борятинскому, о поискѣ и поимкѣ, сухопутно съ кон-
„ною ратью вора, возмутителя Ивашку Заруцкаго, и съ
„нимъ ту извѣстную Маринку, съ товарищами, ворами-жъ
„Черкасы (Запорожцы) и казаками, кои не только
„Астрахань, но и многіе понизовые наполные города въ
„возмущеніе привели, а судовою ратью для тогожъ къ
„Астрахани слѣдовать велѣно было боярину и воеводамъ,
„князю Ивану Никитичу Меньшему Одоевскому, да
„окольничему Семену Васильевичу Головину, да дьяку
„Василію Юдину, ушелъ. Когда предупредилъ выше
„упомянутыхъ посланныхъ воеводъ, по присланному увѣ-
„домленію изъ Астрахани, Терской воевода, Петръ Го-
„ловинъ, присылкою отъ себя казанца Хохлова съ рат-
„ными людьми къ Астрахани, отъ сихъ поисковъ и о
„востаніи астраханцевъ, самъ Заруцкій съ Маринкою и
„съ сообщниками своими бѣжалъ на Яикъ, а прочіе за
„Волгу и тамъ за Теркомъ рѣкою въ Гребняхъ, то есть
„въ горахъ и ущельяхъ, съ такими жъ воровскими Гре-
„бенскими казаками поселились, а потомъ отъ разбойни-
„ка Андрюшки Килбака, затѣмъ отъ бѣжавшихъ же съ
„Дону 1620-го и 1658-го, для раскола, также отъ шай-
„ки разбойника, Стеньки Разина, отъ 1671-го и отъ
„оставшей-же артели разбойника-жъ, бывшаго въ 1687
„году, на Кумѣ рѣкѣ, потомъ близъ Каспійскаго моря,
„на Есулакѣ, Костюка, и отъ бывшихъ въ 1698 годѣхъ,
„ушедшихъ же бунтовщиковъ стрѣльцовъ, наконецъ, бѣ-
„жавшихъ же для раскола жъ съ Дону Кумскихъ каза-
„ковъ (какъ то и изъ числа таковыхъ же въ Черкесахъ
„были, по объявленію тамошнихъ, и жителство имѣли
„двумя деревнями, а именно: одна въ Большой Кабар-
„дѣ, при устьѣ р. Газы, впадающей въ р. Урюфъ, а
„оная втекаетъ въ Терекъ, съ лѣвой его стороны и на-

„зывались Кажаравцы, другая въ Малой Кабардѣ-жъ, въ самомъ ущельѣ Татаръ-Туповомъ, которое урочище „состоитъ близъ рѣки Терка, и ниже впадающей во „оной рѣчкѣ, Аксъ, съ лѣвой же ея стороны) первоначальное убѣжище таковыхъ бѣглецовъ было, по объявленію Гребенскихъ старожиловъ, за Теркомъ въ самой нынѣшней Кабардѣ и части Кумыцкаго владѣнія въ „Гребняхъ, въ урочищахъ: Голого Гребня, въ ущельѣ „Павловомъ при Гребнѣ и ущельѣ Кашлаковскомъ и „при Пимоновомъ Дубѣ. Оныя урочища званія свои получили отъ начальниковъ тѣхъ бѣглецовъ“¹⁾).

„Послѣ того, когда по частымъ на нихъ отъ живущихъ близъ ихъ Горскихъ людей, набѣгамъ, чинились „имъ безпокойства и ущербъ людямъ и скоту принуждены изъ тѣхъ мѣстъ выйтить и поселились на сей „сторонѣ рѣки Терка жъ, тремя деревнями: Кордюкова, „Гладкова и Шадринъ, по прозваніямъ осадчиковъ своихъ. Потомъ для лучшей безопасности своей, огородили и укрѣпили деревянными заплатами, и именовать „стали ихъ городками“.

„По семъ когда ихъ приумножилось, чрезъ выше-

¹⁾ Мѣстность выше описанная, на которой поселились первоначально гребенцы, подтверждается еще и имѣющимися у насъ въ копіи контрактомъ, заключеннымъ Гребенскаго войска, Червленнаго городка станичнымъ атаманомъ Степаномъ Гулаевымъ, сотникомъ Яковомъ Леонтьевымъ, хорунжимъ Никитою Федоровымъ и прочими старшинами и казаками съ Кабардинскимъ княземъ Давлетъ-Гиреемъ Баматомъ Бекевичемъ-Черкасскимъ 19 іюня 1765 года, стало-быть 116 лѣтъ тому назадъ, въ которомъ сказано: „пунк. 1-й, съ марта мѣсяца, съ 1-го числа до Петрова дни по урочищу *Павлову-ущель и Павловъ камень* табуновъ копскихъ и скотскихъ и овецъ, безъ дозволенія нашей станицы старшинъ и казаковъ не пасти, и на *Гребнѣ*, противъ нашего городка, безъ дозволенія нашей же станицы, не рубить лѣсъ, Давлетъ-Гиреевымъ подвластнымъ.